

МЕТАМОРФОЗЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Динамизм современной жизни неотвратимо преобразует смысл многих базовых понятий социальной философии. Мы подчас не замечаем, что привычное слово обретает новые оттенки, сопрягается уже нередко с иным смыслом. Можно ли, к примеру, утверждать, что мы по-прежнему, говоря о цивилизации, имеем в виду то значение, которое придавал ему Н.Я. Данилевский или А. Тойнби? Описывая псевдоморфозы в исторической практике, следуем ли мы логике О. Шпенглера? Что мы подразумеваем сегодня под цивилизационным суицидом?

Характеризуя цивилизацию, социальные мыслители подчёркивали обычно единообразие ценностей и механизмов регуляции социальной практики. Принималась в расчёт и та форма духовности, которая определяла принципы социальной консолидации. Однако выдвигание на первый план вопросов экономики в современной реальности, борьбы за своё место в геополитической реальности, в значительной мере обесценило уникальность жизненного уклада, ментальности, спиритуальных факторов. На первое место выдвигаются проблемы экономической модернизации. Поэтому речь идёт в основном о том, как та или иная страна обеспечивает собственное благоденствие. При этом в европейской цивилизации выделяется не рождение в ней философии и науки, не появление аристотелевской логики, а процесс модернизации. Ведь в начале XV в. Европа в сравнении с Востоком была медвежьим углом. Она не выдерживала сравнения ни с Китаем, ни с Ближним Востоком.

Угрозой для развития цивилизации, как показывает история, оказывается изоляция. Автономность культур, на которой настаивали Н.Я. Данилевский и О. Шпенглер, теперь оценивается как предельно опасная. В XVII в. эта хозяйственная замкнутость вывела из успешного цивилизационного состязания Китай и Японию. Какой из факторов оказывается наиболее эффективным для экономического динамизма. В этом контексте веберовские размышления о протестантизме все чаще вызывают скептические оценки. А, допустим, земская ре-

форма Александра II, которая расширила участие населения в самоуправлении, толкуется как безоговорочный фактор социального динамизма. Она обеспечила развитие капитализма в России.

С одной стороны, как будто слово «цивилизация» сохранила свой основной смысл. Ведь это понятие многозначно и социальные мыслители вынуждены считаться с этим. Можно назвать три основных значения этого слова. Сначала оно имело то интеллектуальное содержание, на которое указали просветители XVIII в. Так обозначалось общество, которое развито в культурном отношении, основано на государственно-правовых, разумных и справедливых началах. Такой тип социума противопоставлялся патриархальным, родоплеменным отношениям других народов, в основном древних, которые жили на землях, обнаруженных европейцами в XVI–XVIII вв.

В XIX в. это слово сохранило своё первоначальное значение, хотя и приобрело дополнительный смысл. Как известно, американский этнограф Л.Г. Морган в книге «Древнее общество» попытался создать некую периодизацию древней человеческой истории¹. А цивилизацию он считал третьей, завершающей стадией развития общества. Первая называлась дикостью, вторая — варварством. И, наконец, со второй половины названного столетия слово «цивилизация» стало применяться во множественном числе. Им начали обозначать региональные и локальные типы культурных сообществ.

В итоге цивилизация как понятие стало утрачивать свою масштабность. Речь, разумеется, прежде всего идёт о крупных исторических общностях. Но одновременно возникает угроза утраты укладов, имеющих несомненную ценность.

Так обстоит дело, если руководствоваться формально-культурологическим значением слова «цивилизации». Но как раз в содержательном смысле многое изменилось. Разве кто-нибудь разделяет сегодня просветительское представление о том, что древние племена были дикарями, едва

¹ Морган Л.Г. Древнее общество: исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / Пер. с англ. под ред. М.О. Косвена. Изд. 4-е. М.: URSS: Ленанд, 2016. 344 с.

покинувшими животное царство? Изучая давнее общество, современные исследователи пришли к выводу, что многие стороны социальной жизни были организованы в нём гораздо целесообразнее и даже цивилизованнее, чем в современном социуме.

Скажем, современное общество страдает от избыточности производства и потребления. Мы расточительно относимся к недрам и богатствам земли, производим товаров больше, чем необходимо, не скупимся на военные расходы. Эта растратность вызывает серьёзные опасения у экспертов. Между тем в архаическом обществе производство было подчинено непроемительным разрушениям. Может быть, это и есть показатель неразвитости, нецивилизованности? Или, напротив, признак громадного духовного опыта, который подсказывал племенам, как избежать ловушки нерационального прогресса?²

Ж. Батай обращается к анализу ряда экономических укладов, подчёркивая последовательное уничтожение «излишков». Но он также имеет в виду и капитализацию преизбытка, включение в новый оборот полезного применения. К первому типу он относит жертвенные цивилизации мексиканских ацтеков, захватническую организацию раннего ислама, монашество Тибета. Ко второму типу — новоевропейский капитализм. Современные французские философы не усматривают в древних обычаях ни парадокса, ни абсурда. Скажем, Жорж Батай пишет о том, что человечество производственной эпохи, т. е. пребывающее, как мы считаем, в стадии высшей цивилизованности, кажется более отсталым в этом отношении от давних, будто бы варварских традиций. Вычерпать все ресурсы из земли, выбросить на продажу массу ненужных вещей, растратить национальное богатство, внедрить в общественное сознание идеологию непомерно растущих потребностей и ожиданий — разве это не дикость? Создав материальное довольство, современное общество утратило, как писал Батай, нечто драгоценное — сокровенность. Оно, по его словам, пытается вернуть эту

² Батай Ж. Проклятая часть. Сакральная социология / Сост. С.Н. Зенкин. М.: ЛАДОМИР, 2006. 738 с.

сокровенность, но уже не может. Сделавшись индивидом, приравненным к автономной вещи, человек предельно отдалился от самого себя.

В XX в. путешествия в экзотические страны, попытка понять другие миры породили сложные философские проблемы. Действительно ли другие цивилизации чужеродны? Ещё точнее, как разгадать эту чужеродность? В практике древних обществ обнаружены ценные идеи и достижения, которые в значительной мере наносят удар европоцентризму.

Мы говорим лишь о том, что европейское представление о цивилизованности, претерпело существенные коррективы. Да, человечество метнулось в русло глобализации. Это очевидный факт. Востоковеды говорят: любой центризм — не что иное, как система, в которой центр не опознаваем. Он выведен за пределы обозрения. Чтобы разглядеть суть любой системы, её направленность, надо сойти с этой точки. Но европоцентристы, о чём бы ни толковали, остаются в этой центристской точке. Действительно, в известном смысле мало что изменилось со времён Гегеля. Образ Востока используется только для того, чтобы проиллюстрировать идею самоутверждения и самоизоляции. Философы, к примеру, догадывались, что после появления христианства язычество не исчезло. Оно нередко оказывалось, говоря Вашими словами, обратной стороной христианства. Но осознание этой «смеси» и воспринималось как некое открытие, как новое слово о христианстве. Сегодня об этом пишет С.А. Королёв, рассматривая христианизацию Руси как центральный момент самой первой российской псевдоморфозы и показывая, что православие — это оболочка, в которой веками выживало и развивалось множество самых разнородных компонентов дохристианской, автохтонной культуры³.

Итак, можно говорить о том, что понятие цивилизации сегодня претерпело содержательное преобразование. После того, как в гуманитарном сознании возникли науки о культуре — социальная антропология, культурная антропология — представление о цивилизации радикально изменилось. Неслучайно мно-

³ Королёв С.А. Псевдоморфоза как тип развития: случай России // Философия и культура. 2009. № 6 (18). С. 37–45.

гие исследователи, представляя локальные культуры, говорят именно об особом укладе жизни и необычном духовном опыте. Рождается новая исследовательская ситуация. С одной стороны, мы называем цивилизациями крупные социальные образования, ареал и итог распространения конкретной мировой этической религии и сопряжённой с ней культуры. А с другой стороны, столкнувшись с непривычным для нас образом мышления и жизни, готовы присвоить ему название цивилизации. Более того, даже отдельные периоды европейской истории, скажем, средневековье, рассматриваются историками как необычный цивилизационный уклад.

В современных исследованиях то и дело обнаруживается убеждение, что доминирующие цивилизации, опираясь на гордыню своей исключительности, подмяли под себя или просто истребили другие, не слишком прозрачные для них жизненные уклады. Вполне возможно, что даже не разгадали смысла того бытия, которое не совпадало с уже привычным и укоренившимся бытованием. Не случайно же сегодня говорят о доминирующих и локальных цивилизациях. Эксперты называют разное число цивилизаций, которые имеют право на это наименование. И это, разумеется, свидетельствует о том, что само понятие цивилизации подвижно и за последнее время обрело новые содержательные смыслы.

Английский историк Арнольд Тойнби «виноват», очевидно, в том, что они ввёл понятие локальных цивилизаций. Он начинал своё исследование с тезиса о том, что истинной областью исторического анализа должны быть общества, имеющие как во времени, так и в пространстве протяжённость большую, чем национальные государства. Он, как известно, рассматривал двадцать три развившихся цивилизации: западную, две православных (русскую и византийскую), иранскую, арабскую, индийскую, две дальневосточных, античную, сирийскую, цивилизацию Инда, китайскую, минойскую, шумерскую, хеттскую, вавилонскую, андскую, мексиканскую, юкатанскую, майя, египетскую; четыре остановившиеся в своём развитии (эскимосскую, номадическую, оттоманскую и спартанскую) и пять мертворождённых.

Невозможно отвлечься от того, что признаки, по которым обозначается та или иная локальная цивилизация, не являются неизменными. Поэтому сегодня общее число цивилизаций остаётся более или менее произвольным. Приходится, в частности, учитывать тот факт, что отдельные цивилизации уже исчезли. Но действительно ли эти социальные общности были самостоятельными цивилизациями? Данилевский считал, что у европейской цивилизации уже остался позади период «плодоношения». И в целом надо говорить не «культура», а «культуры», не «цивилизация», а цивилизации. Освальд Шпенглер возвестил конец западной цивилизации в целом. Причём именно западной, а не только европейской. Русские переводчики допустили здесь вольность, устранив из диагноза Соединённые Штаты Америки. Американские исследователи были даже готовы к обозначению особой цивилизации в Новом Свете. Однако биржевой крах 1929 года и надвинувшееся вымирание «белого человека» показали, что речь у Шпенглера идёт не только о Европе. Эту «оплошность» русских переводчиков «исправил» видный американский консерватор Патрик Бьюкенен, предложив иное название своей книги «Смерть Запада». Но здесь невозможно обойти некий парадокс. Закат, как говорится, закатом, а евроатлантическая цивилизация распространяет своё влияние на все регионы земли. Как совместить этот современный расклад с выводами проницательных мыслителей двух минувших столетий?

Мы знаем сегодня, что не только европейская культура, но и вся западная цивилизация, обретшая планетарные формы (её обычно называют техногенной, т. е. порождённой техническими достижениями европейцев), мчится к собственным пределам. У этой цивилизации, рождённой фаустовским духом, нет будущего. На смену ей должна прийти цивилизация антропогенная, т. е. «скроенная по меркам» человека, а не машины. Однако никто не знает, как выцветший дух европейской культуры может явить чудо преображенья...

Нуждается в корректировке известное положение о том, что цивилизация есть агония культуры. По мнению русского философа Н.А. Бердяева, любая цивилизация означает апофеоз общего, повторяющегося однообразия, превалиро-

вания материального над идеальным, методов и орудий над духом и душой, стандарта — над оригинальностью и неповторимостью. Вновь и вновь сегодня возникают вопросы: всегда ли культура сохраняет свой потенциал? Не увядает ли она? Отчего мощный взлёт духа сменяется порой духовным и художественным спадом? Эти вопросы всегда интересовали исследователей культуры. Наблюдая за судьбой отдельных культур, они видели, что процесс наращивания новых ценностей в культуре не продолжается вечно. Наступают какие-то длительные паузы, а иногда культура словно окостеневает и уже не даёт больше плодородных всходов. Тогда мы имеем возможность говорить о цивилизации.

Цивилизации, как и культуры, развиваются через стадии разломов и кризисов. Причём цивилизация в условиях собственной подорванности может обрести неожиданную помощь. Она способна перехватить черты иной цивилизации и адаптировать их. Рим вошёл в стадию перелома, угасания. Но христианство, возникшее в недрах античности, придало этой угасающей цивилизации новое дыхание. То же самое случилось, судя всему, и с современным Китаем. Отгородившись от всего мира, эта страна утратила динамизм. Теперь же она получила прививку от европейской цивилизации и добилась неожиданных, впечатляющих успехов.

Пожалуй, ни в одной сфере социальной философии нет стольких непрояснённых вопросов, как в теории цивилизации. Мы легко пользуемся такими понятиями, как варварство, культура, цивилизованность, конфликт цивилизаций. Однако в толковании проблем, связанных с этими словами, господствует концептуальный разброс, исключающий согласованность смысла. Все говорят о варварстве. Но что подразумевается под этим феноменом? То, что складывалось до цивилизации и ей противостоит. Современному человеку непонятны древние обычаи, их предназначённость и слитность с общим культурным укладом.

Ещё парадокс: если цивилизация — это путь к очеловечиванию людского рода, то почему на Земле множество цивилизаций? Что заставляет каждую цивилизацию цивилизоваться по-своему? Каковы критерии этой цивилизованно-

сти? Можно ли считать цивилизацию всеобщим способом человеческого бытования? Многие исследователи убеждены в том, что исторический процесс завершится, когда все народы вольются в единое цивилизационное русло. Но кому поручена миссия такой консолидации? Сегодня таким дирижером признана евроатлантическая цивилизация. Но кто вручил ей верительные грамоты. Европоцентристы утверждают: здесь на Западе возникла наука и философия, развились мощные производительные силы, накоплено очевидное могущество. Наконец, европейский уклад жизни оказался привлекательным для других народов и цивилизаций.

Между тем А. Тойнби считал, что представление о единстве цивилизации является «ложной концепцией, возникшей в головах историков под сильным влиянием социальной среды». Он отвергал тезис «об унификации на базе западной экономической системы как закономерном итоге единого и непрерывного развития человеческой истории», писал, что это приводит к грубейшим искажениям фактов и к поразительному сужению исторического кругозора. Однако процесс наращивания технической мощи давно уже перестал быть привилегией Запада. Восточные цивилизации в процессе глобализации наращивают экономическое могущество, не утрачивая при этом основ своей духовности. Концепция европоцентризма трещит по всем швам. Всё чаще представители других цивилизаций говорят о том, что вестернизация — это инфекция, поразившая восточный дух.

Ориентализм как европейская трактовка Востока получает негативную оценку. Речь идёт о том, что европейцы дают искажённое представление о культурах этих цивилизаций. Ориентализму противостоит оксидентализм, который отвергает европейские цивилизационные стереотипы. Так, к примеру, египетский культурфилософ Хасан Ханафи уже несколько десятилетий разрабатывает новую социальную науку, которая призвана описать то, что происходит на Западе через восточную оптику. Раньше лишь Европа имела привилегию изучать Восток. Но теперь Восток может внимательно и через собственные линзы толковать то, что происходит на Западе. Преклонение перед Западом за-

местилось аналитическим разбором «достижений» и «неудач» европейской цивилизации. Естественно, возникает вопрос и о претензиях Востока на мировое лидерство.

Само собой понятно, модернистский проект связан с маршрутом, проложенным Западом. Однако глобализму противостоит уверенно заявляющий о себе изоляционистский национализм, связанный с религиозным фундаментализмом. Провозглашается предельная канонизация духовного наследия, объявляется абсолютная сакральность религиозных верований. Призывы к возрождённой спиритуальности направлены против секулярного, обезбоженного Запада. В результате этих идейных движений всякая модернизация предполагает сохранение, а не утрату культурной идентичности.

В этих условиях европоцентризм пытается закрепиться на своём последнем бастионе. Запад считает критерием своего верховенства достижения в области научной и правовой сферы. Он отстаивает дух рациональности, которая не нуждается в религиозном признании. «Наука и право — вот реальный вклад Запада в мировое развитие, которым не может пренебречь ни одна цивилизация. Создав современную науку и технику, а также светские формы жизни, базирующиеся на формально-правовых началах, он усмотрел в них единственно приемлемый для человечества способ его интеграции. Именно Запад поставил вопрос об общемировой динамике исторического процесса, имеющей своим итогом появление универсальной цивилизации»⁴.

Нет оснований оспаривать эти достижения европейской цивилизации. Но действительно ли они универсальны? Современные исследования свидетельствуют о том, что на Востоке вызревали иные представления о рациональности и разумности. Человеческий разум — неоспоримое достояние человечества — подвергается в наши дни суровой феноменологической проверке. Многие исследователи продолжают размышлять об удивительной человеческой способ-

⁴ *Межуев В.М.* История как философская проблема (чего не знают и не могут историки) // Перспективы. [Электронный ресурс] URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=309122> (дата обращения: 27.02.2017).

ности постигать сущность вещей, улавливать смыслы, создавать рациональную картину мира. До сих пор разум считался достоянием только человека. Но за последние годы всё чаще стали говорить о многообразии самой разумности. В частности, историки, изучая конкретные эпохи и культуры, пришли сначала к выводу о разных ментальных навыках, присущих народам. Однако при этом никто не оспаривал непреложность и единство разума как уникального достояния людей. Теперь же, толкуют о том, что европейцу вообще трудно понять разумность, скажем, японцев. Это не просто другой менталитет, но даже источник умственных операций иной, не тот, что вызвал к жизни европейскую цивилизацию. Нельзя считать универсальной также европейскую либеральную концепцию правового общества. Государственный деспотизм на Востоке не рассматривается как обнаружение варварства. Он органично совмещается, к примеру, с идеями кастовости, реинкарнации, успешности общественного развития. Присущее Западу пренебрежение к традициям, утрату религиозности и господство светскости, европейский экспансионизм, напротив, на Востоке считают варварством.

Нет сомнения в том, что в наши дни экономическая и политическая унификация идёт по лекалам европейской цивилизации. Но как долго будет продолжаться этот процесс?